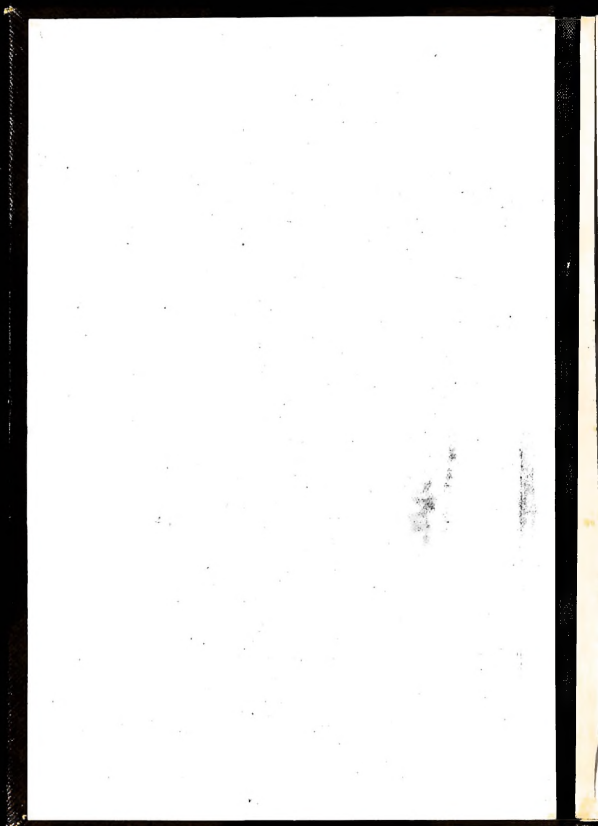
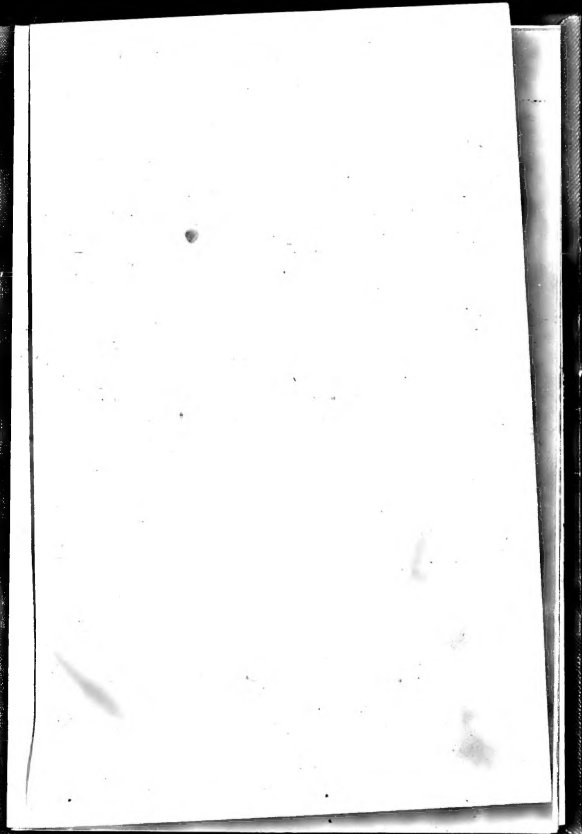
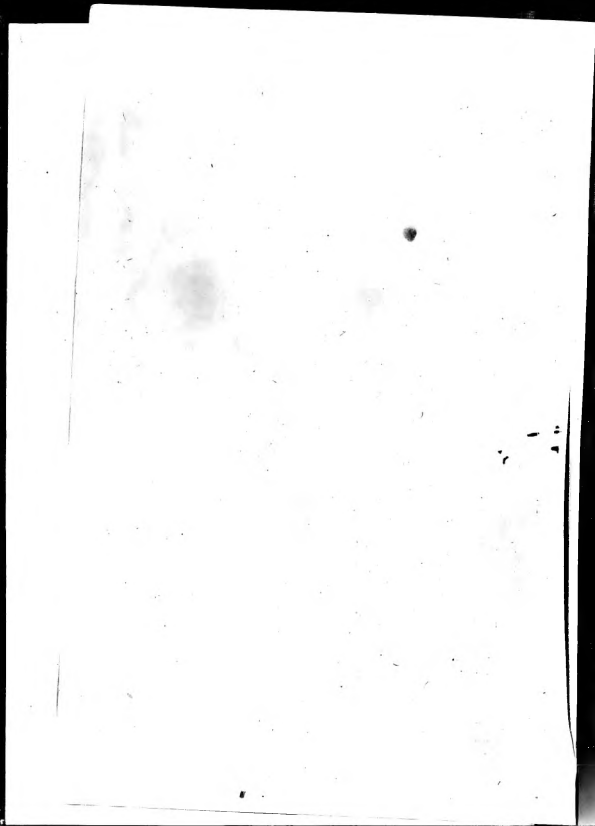

Л. ТРОЦКИЙ 1905 ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН171

Т985

1905

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

AMERICAN SOCIETY OF

[The main body of the page contains extremely faint and illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is too light to be transcribed accurately.]

Л. ТРОЦКИЙ

*

ЕН №

Т 985

1905

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

ДОКЛАД

на 2-ом Всесоюзном Съезде Общества
Политических Каторжан
и Ссыльно-Поселенцев
26 декабря 1925 года

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

К

ЕН171
7.985

при Ц.к. Ф.Н.П. (6.)

~~1500~~
26

~~12242~~

~~3149~~ е.п.
36

1063247

Товарищи! История человеческого общества знает ряд конвульсивных подъемов угнетенных масс против угнетателей и против угнетения. Годы и десятилетия беспробудного на вид рабства прорывались, прорываются и будут еще прорываться вспышками и взрывами возмущения, при чем историческое значение этих взрывов определяется степенью культурности страны, где они произошли, объемом массы, которая в них вовлечена, и сознательностью руководства, под которым восставшая масса вела борьбу. Есть в человеческой истории года, которые в памяти не только каждого революционера, но и каждого грамотного человека из лагеря угнетенных кажутся навсегда выкованными из бронзы, чеканно выделаясь из бесконечной вереницы городов, лишенных лица и образа.

1793 год остался в памяти человечества как один из таких металлических годов, когда под руководством якобинцев, этих большевиков XVIII века, джэбс, санкюлоты, ремесленники и полупролетарии, оборванцы парижских предместий, учредили железную диктатуру и учинили незабываемую расправу над коронованными и привилегированными властителями старого общества.

1848 год живет в памяти человечества не столько тем, что запоздавшая буржуазия пыталась в этом году добиться власти, сколько тем, что из-под трусливой и блудливой в своих политических вождениях буржуазии уже поднималась молодая львиная голова пролетариата.

1871 год врезался в память трудящихся, как год, когда героический пролетариат Парижа сделал незабвенную по поучительности попытку взять в свои руки бразды управления новым цивилизованным обществом.

1905 год — один из этих бронзовых годов в истории человечества, и особенно в нашей собственной. До 1905 года наша история не знала революции. У нас бывали жестокие мужицкие „бунты“, как разинщина и пугачевщина. За восемьдесят лет до первой нашей революции — в 1825 году — Петербург был ареной героического восстания декабристов. И те и другое — необходимые элементы революции, но еще не революция. Крестьянским движениям нехватало руководства со стороны такого класса, который способен был бы взять в свои руки власть. Восстанию декабристов нехватало социальной опоры. Подлинная революция впервые разразилась на русской земле лишь двадцать лет тому назад.

До 1905 года революция была для нас либо теоретическим понятием, либо романтическим воспоминанием о чужих боях, либо надеждой. Образы Великой Французской Революции, сцены Конвента и парижских предместий сочетались сперва с воспоминанием о пугачевщине, а затем все в большей степени с идеей всеобщей стачки. И только в 1905 год делает для нас революцию родной национальной стихией. Новые поколения трудящихся проходят через нее, — ее испытания, ее первые полупобеды, ее удары, ее суровые уроки впитывают они в плоть и в кровь. Преобразуется духовная ткань народа. Только пройдя через революцию 1905 года, наша страна смогла по истечении 12 лет вписать в историю величайший из всех ее годов — 1917!

В революции 1905 года одновременно искали выхода наружу и разрешения противоречия трех разных исторических эпох. Чтобы понять внутреннюю динамику этого года, его ход и исход, надо непременно иметь перед глазами сложное взаимодействие противоречий трех последовательных исторических порядков: во-первых, выросшее из феодального общества противоречие между полукрепостным крестьянством и крепостническим помещичьим классом; во-вторых, противоречие между развивающимся буржуазным обществом и старой полукрепостнической оболочкой; и, наконец, противоречие третьего, новейшего порядка — между пролетариатом и буржуазией.

Если бы к 1905 году история не донесла глубочайшего противоречия между мужиком и бариним, мы не могли бы быть участниками трех революций, которые так закономерно сочетаются воедино: 1905 год, февраль 1917 года и Октябрь.

Антагонизм между крестьянством, с одной стороны, помещичьим сословием и государством — с другой, был тем неистощимым резервуаром революционных народных страстей, благодаря которому наша революция только и получила такой гигантский размах. Но одного этого антагонизма для революции недостаточно: без руководства со стороны революционного города крестьянское восстание не могло бы подняться выше новой пугачевщины.

Если бы не было налицо политически назревшего противоречия между пролетариатом и буржуазией, т. е. если бы еще не было крепкого индустриального пролетариата, революция была бы возможна, как великая революция, лишь при условии, если бы во главе крестьянских масс встала мелкая буржуазия городов, — мы имели бы в этом случае революцию по типу Великой Французской. Но эту возможность мы строим чисто логически. Реальное экономическое развитие оставило ее далеко позади.

Крепостничество и царизм дожили у нас до эпохи, когда под их покровом сложилась крупная капиталистическая промышленность, а в недрах ее накопились глубокие противоречия между пролетариатом и буржуазией. Вот почему революция 1905 года означала неизбежную постановку вопроса о том, кто будет руководить уничтожением старых полукрепостнических пут и уз: буржуазия или пролетариат? А это означало новый вопрос — кто из двух борющихся городских классов возьмет на себя руководство стихийным движением крестьянства: либеральный буржуа или социалистический пролетарий?

Страна была еще чревата буржуазной революцией. А эта последняя уже несла во чреве своем революцию пролетариата. Вот почему, когда оказалось, что побежденный 1905 год оставил без разрешения аграрный вопрос, мы с такой уверенностью ждали второй революционной волны. И вот почему, когда созрели условия, эта вторая волна, буржуазно-демократическая революция февраля 1917 года, уже через восемь месяцев разрешилась от социального бремени революции пролетариата. То, что в Англии, старейшей капиталистической стране, растянулось на три века (начиная с 1648 года и ранее), то у нас, запоздалой страны, оказалось уплотнено на протяжении дюжины годов (1905 — 1917).

Будем же помнить: трех порядков исторические противоречия сомкнулись в 1905 году, питая друг друга, но и парализуя друг друга. Ход и исход 1905 года определяются взаимодействием этих противоречий. Это нетрудно вскрыть и показать.

Год революции начинается с кровавого воскресенья 9-го января и кончается 19-го декабря, когда разгромленная Москва оказалась полностью в руках Мина и Дубасова. Таким образом 1905 год, в отличие от других революционных годов, своим календарным построением совпадает с основным размахом событий. С января до декабря разворачивается революционный подъем пролетариата, который сходит затем круто под уклон здесь, в Москве, в баррикадных боях Пресни. Могущественное движение рабочего класса не позволяет буржуазии даже поставить перед собой задачу овладения поднимавшимся крестьянством, но и рабочему не удается еще повести за собой деревню. Буржуазия уже не смеет и не хочет, а пролетариат еще не может. И вот этим революционным „междущарствием“ определяется исход 1905 года.

Правда, деревня развернула уже в 1905 году огромную энергию борьбы. Но движение крестьянства, раздробленного, рассеянного, политически едва выходящего из средневековья, не совпадало, по ритму своему, с движением пролетариата, который мобилизовался несравненно быстрее. Широкий размах крестьянского движения начинается лишь с осени 1905 и тянется до лета 1906 года, при чем наибольший, хотя все еще недостаточный подъем крестьянства достигается тогда, когда натиск пролетариата уже отбит.

Армия отображает крестьянство в казарме, но состоит из наборов, предшествовавших революции. И вот о крестьянскую армию, еще не прошедшую школы крестьянских аграрных движений, разбивается рабочий класс. 1905 год не заключал еще в себе — как мы сказали бы теперь — политической „смычки“ между городом и деревней, между пролетариатом, крестьянством и вышедшей из крестьянства армией.

Но необходимость революционной смычки уже остро чувствовалась массами — не только пролетарскими, но и крестьянскими. Поистине замечательно, что деревня 1905—1906 годов называла революцию не иначе, как забастовкой... Мы уже за-

были об этом: прошло не мало годов, и каждый из них оставил в нашей памяти не мало рубцов. Но этот факт надо припомнить, ибо он глубоко знаменателен. Крестьяне говорили: мы забастовали помещичий скот, мы забастовали помещичий хлеб, мы забастовали помещичью землю, а в иных случаях выражались и так: мы забастовали помещика. Последнее означало, что крестьяне, применяя „собственным средством“ красный террор, вывели ближайшего врага в расход. Этим словоупотреблением крестьянство ярко знаменовало свою политическую зависимость от рабочего руководства. И если все же не произошло и не могло произойти надлежащей смычки сразу, при первом подъеме революции, так это потому, что массы учатся не по книгам, и революции совершаются не по плану. В основе понимания лежит опыт, а в основе опыта — действие. Именно тем прежде всего велик 1905 год, что он впервые поставил все вопросы нашего развития — не на бумаге, а в гигантских революционных столкновениях; что он все социальные противоречия показал в их взаимодействии; что он все классы сопоставил и противопоставил друг другу, взвесив их на весах революции. В этой борьбе пролетарский авангард нашел свой путь, — на этом опыте окончательно сложился большевизм.

После того как был арестован Петербургский Союз; после того как Семеновский полк разгромил пролетарскую Москву, и Дубасов снова оказался хозяином города; после того как началась расправа по линиям железных дорог, — аграрные волнения, хотя бы численно и возросшие, не могли уже опрокинуть царизм. Здесь причина поражения.

Но было ли это поражение полным? Нет. Как 17 октября 1905 года мы говорили, что победы еще нет, а есть полупобеда, так в конце декабря 1905 года мы говорили, что поражения нет, а есть полупоражение: царизм удержался, но это был надломленный царизм. Правда, в эпоху реакции он еще бросал наглые вызовы народу. Столыпин, наиболее „великолепный“ из представителей 3-июньской монархии, кричал в Думе: „не запугаете!“. Однако пришло время и — запугали (*аплодисменты*), запугали — на-смерть (*аплодисменты*). 3-июньский царизм, вышедший из боев 1905 года, еще очень и очень храбрился, но в позвоночнике его крепко сидела пуля со штемпелем, с клеймом: „Красная Пресня 1905 года“ (*аплодисменты*).

И эта полупобедоносная, полупобежденная революция 1905 г. потрясла основы старого общества в Европе и Азии. Об этом тоже надо напомнить в двадцатую годовщину.

Народы Австрии из рук петербургских и московских рабочих получили тогда всеобщее избирательное право: габсбургская монархия дрогнула перед революционной забастовкой.

В Германии социал-демократия, уже тогда разьедаемая оппортунизмом, под давлением рабочих масс оказалась вынужденной официально включить в число мер борьбы всеобщую политическую стачку, и если вожди лицемерили, то молодое поколение немецких рабочих брало оружие всеобщей стачки всерьез, и на этом, на уроках 1905 года, воспитались кадры будущих спартаковцев.

Во Франции непосредственно под влиянием могучих боев 1905 года родился революционный синдикализм, который подготовил почву для нынешней коммунистической партии.

В Англии мы были за тот же период свидетелями могущественных стачек, которые расшатали старые консервативные тред-юнионы и явились первым предзнаменованием тех гигантских гражданских боев, которым Англия идет навстречу.

В Азии, которая охватывает большую половину человечества и которая совсем недавно казалась материком вечного застоя, 1905 год вызвал три революции: в Персии, в Турции, в Китае.

Нет, 1905 год не прошел бесследно в истории человечества. Он не прошел бы бесследно даже и в том случае, если бы из него не родился 1917 год. Но непосредственной своей задачи, разгрома самодержавия, уничтожения крепостничества, наша первая революция не разрешила. Сам пролетариат только в декабре 1905 года понял по-настоящему, что значит революция, что значит борьба за власть,— уразумел до конца, с каким неистовством, с какой беспощадностью имущие классы отстаивают и будут отстаивать свое господство. Слова Маркса о том, что революция обращает оружие критики в критику оружием были по-настоящему усвоены авангардом рабочего класса лишь после октябрьского манифеста, когда реакция стала переходить в контр-наступление.

Мне вспоминаются в связи с этим две сцены из жизни Петербургского Совета того времени. Одна—29 октября, когда город был полон тревожных слухов о погроме, подготов-

ляемом черной сотней, а Совет готовил отпор. Рабочие депутаты, придя непосредственно со своих заводов на заседание Совета, демонстрировали с трибуны образцы оружия, главным образом холодного, которое изготовлялось рабочими против черной сотни. Они показывали финские ножи, кастеты, кинжалы, проволочные плети, потрясали ими в воздухе, но все это скорее весело, чем угрюмо, еще с шуткой и прибауткой. Они как будто думали, что одна их готовность дать отпор сама по себе разрешает задачу. Они в большинстве своем еще не прониклись насквозь той мыслью, что дело идет не на жизнь, а на смерть и что только беспощадная критика оружием способна нанести решающий удар государству и обществу привилегированных. И вот этому научили их декабрьские дни.

Третьего декабря Петербургский Совет был окружен гвардейцами всех родов оружия. Лозунг был брошен Исполнительным Комитетом с хором вниз, в зал заседания, где толпились уже сотни депутатов: „сопротивления не оказывать, оружие врагу не сдавать“. Оружие было ручное, вернее, карманное: револьверы браунинги, маузеры... И вот в зале заседаний, уже окруженном со всех сторон отрядами гвардейской пехоты, кавалерии и артиллерии, рабочие депутаты стали портить свое оружие, били умелой рукой маузером по браунингу и браунингом по маузеру, чтобы сделать их негодными. И это уже не звучало шуткой и прибауткой, как 29 октября. В этом звоне и лягге, в этом скрежете разрушаемого металла слышался зубовой скрежет пролетариата, который впервые почувствовал до конца, что нужно иное, более могучее усилие, иное, более могучее оружие, чтобы сокрушить твердыню векового рабства. А в ближайшие затем дни Минны и Дубасовы дали пролетариату дополнительный страшный урок—с 9 декабря до 19-го,—когда последние героические усилия рабочих Москвы были потоплены в крови.

А затем начались годы отлива, свертывания рядов, преследований, ссылки, каторги, эмиграции, с одной стороны, отступничества, ренегатства, глумления—с другой,—черные и глухие годы контр-революции. Над лозунгами, методами и надеждами 1905 года—сколько была тогда издевательств, официальных и официозных, оппозиционных и лже-революционных! Можно было бы все ярусы этого зала заполнить литературой годов

реакции, которая пыталась вытравить самую память о великом годе, навсегда втоптать знамя революции в грязь 3-июньской реакции. Аже-революционеры, вслед за либералами, подхалимски издевались над памятью 1905 года, над его „бессмысленными мечтаниями“, над его невыполненными обещаниями. Неправда! Сегодня, в 20-ю годовщину 1905 года, оглядываясь назад и заглядывая вперед, мы говорим народу нашей страны и народам всего мира: 1905-й никого не обманул,— все, что он обещал, выполнил 1917-й! (аплодисменты.)

Впервые в 1905 году была брошена в сознание масс идея власти Советов. Суворинцы всех мастей издевались над раздвоенным „рабочим правительством“ в течение всех годов 3-июньского режима. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним: лозунг власти Советов, провозглашенный в 1905 году, не только стал ныне могущественным фактом в России, но и открыл новую эпоху в истории всего человечества.

1905 год бросил лозунг земли и воли. Его называли романтическим и фантастическим; в нем было и впрямь мало романтики, но лозунг этот, сбросив с себя романтическую шелуху, превратился в железную реальность конфискации помещичьих земель и уничтожения дворянского сословия, веками угнетавшего Россию.

Восьмичасовой рабочий день, как и власть Советов, историк своим имеет революцию 1905 года, когда рабочие пытались ввести его захватным путем. Сколько мудрецов, сколько пошляков и в то время и после того издевались над этой революционной попыткой, как над безумием, которое де оттолкнуло буржуазию от борьбы за власть и свободу. Эти мудрецы и пошляки думали, а иные думают и до сего дня, что пролетариату политическая свобода нужна, как абстракция. Нет, пятый год показал, что пролетариату нужна материальная возможность пользоваться свободой. Реальная свобода начиналась для рабочего с того часа и с той минуты, когда он высвобождал свои мышцы и свой мозг из-под фабричной кабалы, когда он урезывал свой труд и увеличивал свой досуг, чтоб принять участие в общественной жизни страны. Поэтому для него борьба за восьмичасовой рабочий день была важнейшей составной частью его борьбы за свободу. 1905 год обещал и попытался, а 1917 год на деле ввел восьмичасовой рабочий день, и ввел неизбежно—до тех пор, пока техника не

позволит нам заменить его семи-, шести- и пятичасовым (*апломсменты*).

А республика? Сколько было разглагольствований по поводу утопичности этого лозунга. Сколько написано было статей, сколько произнесено речей, доказывавших, что в сознании крестьянских масс монархия имеет глубокие корни и что доктринерством является идея российской республики. Это говорилось и писалось не только до 9-го января, но и после кровавой встречи царя с народом, после того, как петербургский пролетариат послал угрожающее проклятье романовской шайке: смерть кровавому царю и его змеиную отродью! В годы реакции эти слова казались угрозой бессилия. 3-июньская монархия воспрянула, каторга и виселица отмечали ее путь. Царизм торжествовал, и казалось, что лозунг республики стал поистине бессмысленным мечтанием. Но пробил час — и 16 июля 1918 года уральский пролетарий Белобородов выполнил суровый приговор рабочего класса! (*апломсменты*.)

Братание Петербургского Совета и Крестьянского Союза началось в дни октября 1905 года. Либералы и меньшевики не поняли смысла того, что происходило на их глазах. В те дни события залагали начало союза рабочего класса и крестьянства, этой основы советского могущества.

2 декабря Совет Петербурга вместе с Крестьянским Союзом и другими революционными организациями издал финансовый манифест. Этот манифест заключал в своих строках предсказание и обязательство. Он предсказывал неизбежное крушение царских финансов и провозглашал отказ от уплаты царских долгов. И что же? Этот манифест, появившийся накануне разгрома Петербургского Совета, оказался могущественнее всех министров и финансистов. Крушение царского рубля мы наблюдали во время империалистической войны, его агония прокатилась через весь режим Керенского, и еще при Советской власти догорал царский рубль, пока на смену ему не явился рабоче-крестьянский червонец. Таким путем основное предсказание манифеста 2 декабря исполнилось с точностью. Но не только предсказание, а и обязательство! Биржевые дельцы, дипломаты и буржуазные газетчики обвиняют нас, наш режим, наше правительство в том, что мы не выполняем будто бы наших обязательств. Неправда! Мы их выполняем на все 100 процентов. 2 декабря 1905 года, за подписью

депутатов рабочего класса и крестьянства, мы предупредили, что за царские долги наш народ не отвечает. А 10 февраля 1918 года декрет Советского правительства объявил начисто аннулированными все царские долги. Вот как выполняет свои обязательства революция! (аплодисменты.)

Летом 1905 года по волнам Черного моря под красным вымпелом прошел мятежный броненосец „Потемкин“. Во многих городах присоединялись к рабочим воинские отряды под красными знаменами. В наших глазах это было предзнаменованием того, что революционный класс может стать победоносной силой, что пролетариат может создать государство, опирающееся на собственную армию. Броненосец „Потемкин“ сдался. Солдаты, шедшие под красными знаменами, были перебиты или отправлены на каторгу. Казалось, что мысль трудящихся о собственной вооруженной силе — утопическая мечта. Но мощно повернулось историческое колесо, — и все, что осталось от царского флота, стало под красный вымпел. Из недр трудящихся поднялась небывалая армия, которая стоит под красным знаменем мировой революции (аплодисменты).

Что в 1905 году было намеком, предчувствием, надеждой, то в 1917 году стало победоносной реальностью. Вот почему мы имеем полное право сказать: да, были, конечно, и иллюзии; но иллюзии касались форм, сроков, отчасти методов; а то, что составляло сердцевину 1905 года, — революционный натиск пролетариата, сплачивающего вокруг себя все угнетенные массы, — то не обмануло. 1917 выполнил то, что обещал 1905.

Но история не остановилась. 1917 год, в свою очередь, развернет гигантскую программу, которая еще только ждет своего воплощения. Сможем ли? Сумеем ли?

Умудренные опытом этих двух десятилетий, мы можем и обязаны еще бдительнее и настойчивее заглядывать в будущее, чем глядели в 1905 году. Велики задачи. История за нас. Но весь вопрос в том, чтобы дождаться зрелых сроков истории; чтобы устоять, не отступить, не сдать того, что было завоевано железом и кровью; укрепить завоевания, развить и обогатить их. А трудностей много, и иные трудности открываются как раз в наши дни и открываются там, где их многие не ждали, и враг скалит злорадно зубы в надежде потрясений. Надо иметь масштаб, проверенный в делах прошлого, чтобы правильно измерять дорогу будущего, надо иметь пра-

вильный критерий, чтобы трезво оценивать завтрашний день. Ибо и сегодня, на этом юбилейном собрании, мы предаемся воспоминаниям не платонически, а с тем, чтобы лучше вооружиться для завтрашнего дня.

Спросим же себя еще раз: нет ли опасности того, что буржуазный мир одолеет нас? Ведь капитализм неизмеримо богаче, а значит и сильнее нас. Да, богаче и сильнее, но он разделен, и одна часть его, Америка, не дает жить другой части, Европе. Колонии подрывают хозяйственные основы метрополий. Китай, главная масса Азии, сотрясается конвульсиями освободительной борьбы. Недостатка в злой воле у Европы нет. Но у ней нехватает силы. Европа в упадке. Европа меж двух огней. У буржуазной Европы выхода нет, как не было ранее выхода у царизма.

Старая Европа—очаг всей капиталистической культуры. От этого старого ствола в разные стороны пошли два ответвления: Америка и наша европейско-азиатская Россия, ныне Советский Союз. И Европа ныне меж этих двух огней.

Европа не только открыла Америку, но и подняла ее на своих дрожжах. В ряде религиозных движений и революций Европа выбрасывала за океан наиболее активных и предприимчивых своих детей, вернее, пасынков. Эмигранты-земледельцы, пастухи, лесорубы, плотники и слесаря пробудили дремлющие силы нового мира. Деловой дух, дисциплину труда, пуританскую страсть к накоплению, — вот эти семена посеяла на американской почве Европа, и они дали пышные всходы. Вырвавшись из узких перегородок и тесных клеток Европы на простор американских пространств, техническая мысль получила поистине потрясающее развитие. Уже до войны Соединенные Штаты оставили далеко позади себя свою прежнюю метрополию, Англию, и свою более широкую метрополию, Европу. Когда после войны и после попытки жить военными методами захвата и грабежа, после оккупации Рура и после тягчайшего в истории отступления немецкого пролетариата осенью 1923 года, Европа сделала попытку перехода на мирное положение и оглянулась на себя, она с ужасом убедилась, что она выглядит экономическим пигмеем по сравнению с заокеанским колоссом. Европа породила Америку, без Европы не было бы нью-йоркских небоскребов, ниагарской гидро-станции, автомобилей Форда и тракторов. Но запутавшаяся в се-

тах собственного консерватизма, Европа оказалась бессильна перед Америкой. Доллар давит на нее с чудовищной силой. Шаг за шагом Америка сдвигает европейские страны на подчиненные позиции, загоняет их в тупой угол, создает для них невыносимые условия существования. Европе выхода нет.

А, с другой стороны, Советский Союз, который живет, борется и растет девятый год, является для Европы источником революционных опасностей.

С Европой у нас двойные счета. Официальная Европа эксплуатировала нас через посредство займов; она питала царизм, она вооружала его, выжимая из народа проценты и понижая тем наше хозяйство и нашу культуру. Под страшной чуждой крышкой самодержавия — по закону: сила противодействия равна силе действия — накапливались парь, закалялась революционная воля передовых отрядов. И тут другая, неофициальная Европа приходила на помощь, идейно вооружая их.

Декабрысты были первой попыткой дворянской интеллигенции, приобщившейся к истокам Великой Французской Революции, дать царизму отпор и пробить окно в Европу. На смену дворянской интеллигенции пришла разночинная, вооруженная теорией народничества, — и эта новая, более широкая волна подняла на своем гребне группу народovolьцев, героические образы которых навсегда вошли в наш железный инвентарь (*аплодисменты*). На смену народovolьцам пришло первое поколение марксистов, сперва интеллигентов, затем рабочих. От кружков — до 1905 года. И от поражения в декабре 1905 года — до несравненной победы в октябре 1917 г. Чтобы совершить эту работу, чтобы дать революции тот размах, какой она у нас получила, революционному авангарду необходимо было совсем особое первоклассное идейное вооружение. Откуда он получил его? Из Европы.

Весь общественный опыт веков, все накопления обобщающей мысли понадобились нашему пролетарскому авангарду для выполнения его общественной миссии. Три могущественных европейских источника: английская политическая экономия, опыт классовых боев Франции и немецкая классическая философия, три источника соединились в системе марксизма. И эту систему — и самое в ней драгоценное: метод — дала нам Европа. Но нужно уметь взять то, что дается. Марксизм не пассивная, не созерцательная доктрина. Недостаточно протянуть руку,

чтобы взять его. Марксизм есть доктрина волевая. Он истолковывает мир, чтобы переделать его. Если марксизм дала нам Европа, то мы сумели взять его. Мы сумели взять его благодаря волевому закалу революционного авангарда. С декабристов началась суровая работа, которая целью своей имела изрыхлой, расплывающейся общественной массы создать горстку железных борцов. Единоборство террористической интеллигенции с царизмом не дало победы. Но оно было необходимым этапом в развитии революционных идей и методов борьбы. Без Радищева не было бы Пестеля. Без Пестеля не явился бы Желябов. Без Желябова мы не имели бы Александра Ульянова. А без Александра не было бы Владимира. Этим сказано все. Наша суровая и славная революционная история — история ссылки, эмиграции, каторги, виселицы — была необходимой подготовительной школой к подлинному восприятию марксизма, как доктрины, которая последними выводами обобщающей мысли вооружает волю самого революционного класса. В ленинизме живут декабристы, просветители-шестидесятники, народники и народовольцы. В ленинизме наша национальная героическая революционная традиция полностью и окончательно сливается с рабочим классом во всеоружии наиболее высокой научной мысли, какую только создала Европа.

Сгорая в огне войны, Европа давала новые толчки технической мощи Америки, как она давала новые толчки революционной мысли России. Америка своих даров не промотала, она довела технику до величайших высот. Но и мы полученный нами от Европы дар — революционную мысль, — не принизили, не издержали, наоборот, мы ее обогатили опытом 1905 и 1917 годов и готовы теперь, с этим огромным наращением, поделиться ею с европейским пролетариатом (*апломсы*).

И вот буржуазная Европа стоит сегодня меж двух огней: между Америкой, которая давит Европу долларом (а доллар это страшная сила, когда его много), и между Советским Союзом, который стремится социалистическую форму государства сочетать с американской техникой.

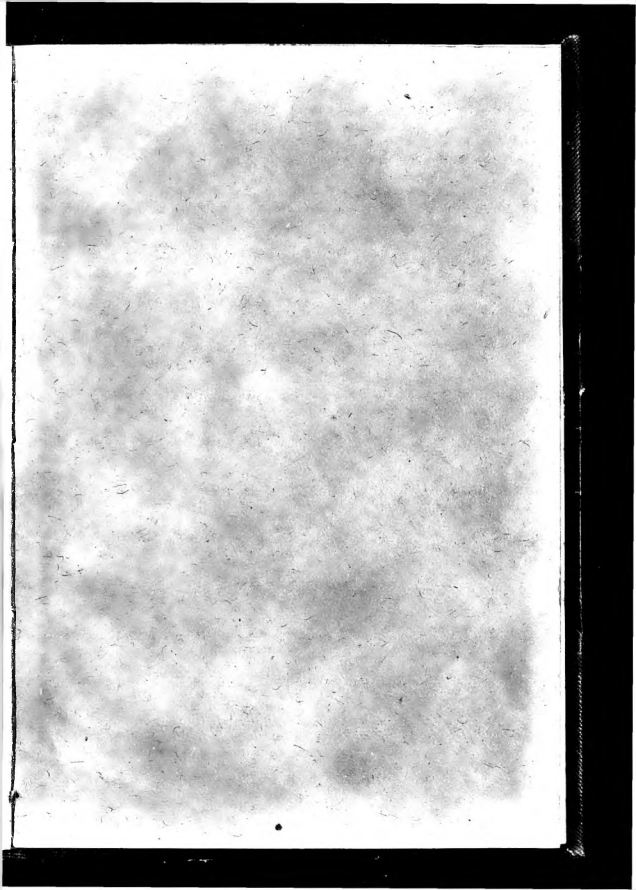
Товарищи! Каковы бы ни были те трудности, среди которых мы живем, как и трудности завтрашнего дня, они — ничто перед теми трудностями, навстречу которым идет буржуазная Европа. Мы, марксисты, задолго до 1905 года предсказывали

его. Враги издевались, малoverы сомневались, а он пришел. Враги разгромили нас и думали, что навсегда. А мы после 3 июня 1907 года предсказывали 1917 год. И он пришел и пришел навсегда (*аплодисменты*). Да, и сегодня мы все еще остаемся в кольце капиталистических врагов. Находятся пошляки и тупицы, которые издеваются над „несбывшимися надеждами“ 1917 года на мировую революцию. Хорошо посмеется тот, кто посмеется последним. Еще в этом зале соберутся многие из нас, надеюсь, большинство из нас, чтобы встречать торжество Октября за границами нашей страны (*аплодисменты*).

1917 год не последний металлический год в летописях истории. Нет, на Европу, на мир надвигается пока еще не обозначенный цифрами, но неизбежный, неотвратимый новый великий год пролетарской революции. Он пробьет. Мы ждем его с уверенностью, с дисциплинированным напряжением. Он придет. Мы, собравшиеся здесь каторжане и поселенцы, ветераны двух революций, этому новому, еще в цифрах не выраженному, великому году, который идет и придет — мы, вместе со всем коммунистическим авангардом пролетариата, бросаем уверенно навстречу: гряди, встретим тебя во всеоружии! (*аплодисменты. Интернационал*).

Библиотека
Института Ленина
пол. 1. 1917 г. (6.)

1063847

01544

10-копеек

1р.

